

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РОССИЯ И ЗАПАД

Об отношении Православной церкви к инославным вероисповеданиям

Часть 10

Св. Франциск Ассизский и преп. Сергей Радонежский

В предисловии к брюссельскому изданию «Цветочков» (1974) говорится о христианском опыте святости: «Назовем к примеру русских святых преп. Сергия Радонежского и Серафима Саровского, радостная, светоносная духовность которых так роднит их с образом самого Франциска, или Оптинских старцев, еще в конце прошлого (XIX-го) и в начале нашего (XX-го) века в жизни и пастырстве несших благу вест о преображающей, всепрощающей, ликующе-радостной победе Христа над смертью, грехом и законом «мира сего»¹.

Русские авторы, писавшие о св. Франциске, сравнивали его деятельность с молитвенными подвигами преп. Сергия Радонежского и других русских святых. Вот что пишет, например, Н. С. Арсеньев в своей книге «О жизни преизбыточествующей» (Брюссель, 1966). Приведя слова Спасителя «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6), Николай Сергеевич продолжает: «И таким Путем, такой Жизнью и Центром Он остался и для последующего христианства в его высших углубленных, наиболее горячих, наиболее исполненных любовью и духовной силой и подъемом, мистических переживаниях»².

Далее тот же автор ставит в один ряд святых угодников Божиих, прославленных как в Единой неразделенной церкви, так и тех, кто жил после раскола 1054 года: «Таковы переживания, например, и Игнатия Богоносца, и Макария Египетского, и авторов песнопений Страстной Седмицы Православной Церкви, и Симеона Нового Богослова; а на Западе живут и проповедуют Франциск Ассизский и Якопоне да Тоди..., в России, например, Димитрий Ростовский или Тихон Задонский»³.

Известный русский философ и богослов Н. О. Лосский (1870—1965) в своей работе «Условия абсолютного добра» сопоставляет эпизоды из житий западных и восточ-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Цветочки святого Франциска Ассизского. Брюссель, 1974. С. 7 (предисл.).

² Арсеньев Н. С. О жизни преизбыточествующей. Брюссель, 1966. С. 184.

³ Там же.

ных святых, и мы снова встречаем имя преп. Сергия. «В земной жизни происхождение высших ступеней добра связано, обыкновенно, с возрастанием гонений и напастей, — пишет Николай Онуфриевич. — Вспомним хотя бы гнусные обвинения, которым подвергался блаж. Сузо, или историю жизни преп. Сергия Радонежского, которому пришлось временно удалиться из основанного им монастыря, когда он ввел в нем более строгий устав. „Все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе“, говорил апостол Павел, „будут гонимы“ (2 Тим. 3, 12)»⁴. А несколько ниже он добавляет: «Всеобъемлющая любовь придает характер благостности всему тону жизни некоторых святых, например, Франциска Ассизского, Сергия Радонежского»⁵.

Многие отечественные авторы отмечают такую черту в жизни св. Франциска, как любовь к Богу и ближним. Однако безмерная любовь Франциска охватывала весь окружающий его мир. «Любовь Франциска к птицам и всяким животным, наполнявшим устраиваемые им общежития братьев, а также к цветам и всему в природе — очень существенная черта его душевного облика, делающая его еще более близким и понятным»⁶, — писала в конце XIX века З. А. Венгерова.

Н. С. Арсеньев также отмечает эту тесную связь св. Франциска с природой; в своей книге «Преображение мира и жизни» (Нью-Йорк, 1959) он сопоставляет житие итальянского святого с молитвенными подвигами палестинских отшельников. «Из многочисленных восточных рассказов о пустынниках и зверях, параллельным рассказам о Франциске, известен, например, трогательный рассказ о льве старца Герасима, сохраненный нам Иоанном Мосхом (в сборнике преданий о палестинских подвижниках „Луг духовный“), — пишет Н. С. Арсеньев. — Тот же Иоанн Мосх рассказывает о другом старце, который „достиг столь великого духовного совершенства, что без трепета встречал львов, приходивших к нему в пещеру, и кормил их на своих коленях“»⁷.

Н. С. Арсеньев неоднократно упоминает о древних восточных подвижниках — «об их благодати и милосердии, распространявшихся даже и на диких зверей, о послушании им зверей и об их власти над зверями»⁸. «Смирением дается благодать, — замечает Н. С. Арсеньев, после чего продолжает: — Сходное рассказывается и о некоторых западных святых, например, о Франциске Ассизском, и о ряде великих русских угодников — Сергии Радонежском, Стефане Пермском, старце Серафиме»⁹.

Аналогичные мысли содержатся в трудах других представителей русского зарубежья. «С какой внимательностью и набожностью всматривается западный мир в лики русских святых, или, наоборот, с каким вниманием и мы всматриваемся в образы великих западных святых — св. Женеьевы, св. Франциска Ассизского и др.»¹⁰, — пишет прот. Сергей Булгаков. А другой российский философ — С. Л. Франк дополняет и развивает сказанное выше. «На высочайшей ступени духовного развития, — как, например, в религиозной жизни такого гения, как Франциск Ассизский — не только волки, птицы и рыбы, но даже солнце, ветер, даже смерть и собственное тело становятся „братьями“ и „сестрами“, переживаются как некие „ты“»¹¹, — отмечает отечественный мыслитель.

⁴ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Париж, 1949. С. 250.

⁵ Там же. С. 307.

⁶ Венгерова З. А. Литературные характеристики. Кн. 1. СПб., 1897. С. 321.

⁷ Арсеньев Н. С. Преображение мира и жизни. Нью-Йорк, 1959. С. 182.

⁸ Арсеньев Н. С. О жизни преизбыточествующей. Брюссель, 1966. С. 132.

⁹ Там же.

¹⁰ Булгаков Сергей, прот. У кладезя Иаковля (Ин. 4, 23). О реальном единстве разделенной Церкви в вере, молитве и таинствах // Православие и экуменизм. М., 1998. С. 125.

¹¹ Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М., 1990. С. 360.

Почему же к святым угодникам тянется все живущее на земле? Вот как отвечает на этот вопрос Н. С. Арсеньев: «Вокруг Франциска, как и вокруг других великих святых, создалась уже новая психологическая атмосфера, новая среда: среда обновленного существования, радостного восприятия иной, повышенной, и преображенной действительности — дыхания Вечной Жизни»¹².

Св. Франциск и преп. Сергей (в миру Варфоломей) занимают особое место в творчестве Бориса Зайцева. В книге «Преподобный Сергей Радонежский» (Париж, 1925) два подвижника то сводятся, то противопоставляются. Начнем с противопоставлений.

Известен драматический разрыв Франциска с отцом и буквальное истолкование слов Спасителя: «Враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 36—37). И как логический шаг — уход из семьи: «Всякий, кто оставит домы или братьев, или сестер, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29).

История ухода «от мира» юного Варфоломея — ровная и спокойная. Вот как повествует об этом Борис Зайцев.

Отец просил его не торопиться. «Мы стали стары, немощны; послужить нам некому; у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты стараешься угодить Господу. Но твоя благая часть не отнимется, только послужи нам немного, пока Бог возьмет нас отсюда; вот, проводи нас в могилу, и тогда никто не возбранит тебе». Варфоломей послушался. Св. Франциск ушел, конечно бы, отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига. Варфоломей сдержался. Выжидал.

Как поступил бы он, если бы надолго затянулось это положение? Наверное, не остался бы. Но, несомненно, как-нибудь с достоинством устроил бы родителей и удалился бы без бунта. Его тип иной. А отвечая типу, складывалась и судьба, естественно и просто, без напора, без болезненности: родители сами ушли в монастырь (Хотьковский, в трех верстах от Радонежа; он состоял из мужской части и женской). У Стефана умерла жена, он тоже принял монашество, в том же Хотькове. А затем умерли родители. Варфоломей мог свободно осуществить замысел¹³.

На страницах своей книги Борис Зайцев снова и снова сопоставляет пути обоих праведников к служению Церкви Христовой: «Находил Варфоломей гармоничность, при которой был самим собой, не извращая облика, но и не разрывая с то же, очевидно, ясными родителями. В нем не было экстаза, как во Франциске Ассизском. Если бы он был блаженным, то на русской почве это значило б: юродивый. Но именно юродство ему чуждо. Живя, он с жизнью, семьей, духом родного дома и считался, как и с ним семья считалась. Потому к нему неприменима судьба бегства и разрыва»¹⁴.

И еще одно обстоятельство следует учитывать, анализируя жития св. Франциска и преп. Сергея. «За всю почти восьмидесятилетнюю жизнь преп. Сергея нигде, ни на одном горизонте не видна женщина. Юношей отошел он от главнейшей «прелести» мира, — пишет Борис Зайцев. — Все „житие“ нигде женщиной не пересечено — даже настоятельницей монастыря соседнего, поклонницею и „женою мироносицей“, как св. Клара в жизненном пути Франциска. В прохладных и суровых лесах Радонежа позабыто само имя женщины. Приходят за благословением и укреплением князья, игумены, епископы, митрополиты и крестьяне. Сергей примиряет споры, творит чудеса. Но ни одной княгини, ни одной монахини, крестьянки. Как будто Сергей-плотник — лишь мужской святой, прохладный для экстаза женщины и женщин будто вовсе не выдавший. Конечно, это только впечатление. Но — остается.

¹² Арсеньев Н. С. Преображение мира и жизни. С. 181.

¹³ Зайцев Борис. Преподобный Сергей Радонежский. Рассказы. Повесть. М., 1991. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 77.

Однако же в его духовной жизни культ Жены существовал. Культ Богоматери, Мадонны — в этом смысле преп. Сергей был типическим средневековым человеком в русском облике. Глубокой ночью ежедневно в келии он пел акафист и молился Богородице. В закате земной жизни, на призыв стремлений многолетних Непорочная, по „житию“, сошла к нему»¹⁵.

Имя преп. Сергия Радонежского сопоставляется со св. Франциском в трактатах целого ряда авторов. Владимир Соловьев, посвятивший много строк св. Франциску, однажды заметил: «Никто не станет отрицать действительного религиозного опыта у апостола Павла, у св. Франциска, или у св. Сергия»¹⁶. А В. В. Розанов, рассуждая о смысле аскетизма, приводит такое сравнение: «Есть аскеты, соловьи... излучившиеся „в голосе“, как отрок Варфоломей, св. Франциск Ассизский»¹⁷.

В. В. Розанов ограничился лишь кратким упоминанием об этих подвижниках; гораздо больше внимания уделил им академик Д. С. Лихачев. Вот как высказывался он на эту тему: «Памятуя об уникальности явления Сергия, нельзя не заметить удивительного постоянства, с которым Дух варьирует себя в разных землях, племенах, веках. Сквозь призму шестисот лет драматической человеческой истории отчетливо видна духовная общность святых, разделенных пространством и временем»¹⁸.

Переходя к конкретным чертам, характеризующим житие св. Франциска и преп. Сергия, Дмитрий Сергеевич продолжает: «Да не смутит никого сближение этих двух фигур — православного святого и католического: у них действительно много общего. Хотя Франциск жил на целый век раньше, это одна и та же культурная формация, и не случайно историческая миссия обоих деятелей оказалась сходной в ряде существенных своих черт»¹⁹.

Перу Д. С. Лихачева принадлежит статья под названием «Сергий Радонежский и Франциск Ассизский»²⁰. Как специалист в области древнерусской литературы, Дмитрий Сергеевич большее внимание уделил преп. Сергию, не забывая, однако и «бедняка из Ассизи». «Жизнь Сергия отделяет от жизни Франциска почти целое столетие, — пишет Д. С. Лихачев. — Родился Сергей примерно в 1314—1322 или 1323 г., умер 25 сентября 1392 г. Хронологический разрыв понятен: культурная жизнь Руси была сильно заторможена татаро-монгольским игом, начавшимся с нашествия орд Батыя в 1237 г., продолжавшимся при жизни Сергия и закончившимся только в 1471 г., когда великий князь московский Иван III в присутствии татарского посла изломал изображение хана, бросил обломки на землю и растоптал ногами»²¹.

В юности Франциск участвовал в междоусобных сражениях итальянских городов и даже был взят в плен. Претерпев лишения, он на собственном опыте убедился в пагубности бессмысленных военных столкновений и впоследствии на ратное дело никого не благословлял. Иная ситуация была в эпоху Сергия Радонежского на Руси. По словам Д. С. Лихачева, не случайно ведь великий князь московский Дмитрий Иванович, когда потребовалась ему сильная и многочисленная рать, поспешил за благословением именно к преп. Сергию: он знал, чей призыв будет услышан. «Это благословение необходимо было, чтобы огромная московская рать, большую часть которой составляли крестьяне, почувствовала бы святость предстоящей войны. Это не был оче-

¹⁵ Там же. С. 116.

¹⁶ Соловьев В. С. Понятие о Боге (1897). Собр. соч. Т. IX, Брюссель, 1966. С. 14.

¹⁷ Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 173.

¹⁸ Лихачев Д. С. На воздушных путях. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Литературная газета, 1992, № 49, 2 декабря. С. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ Лихачев Д. С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Наука и религия, 1992, № 1.

²¹ Там же. С. 8.

редной поход против войска Золотой Орды — это был крестовый поход христиан, — пишет Д. С. Лихачев. — Если права легенда о том, что Сергей дал ратниками Дмитрию, вопреки запретам монашества, двух схимников — Пересвета и Ослябю, то тем самым Сергей с особенной убежденностью показал, что сражение в войсках Дмитрия — святое дело»²².

Междоусобные столкновения между итальянскими городами напоминали, скорее, опереточные войны, поскольку там отсутствовал религиозный фактор. Иное дело — в противостоянии православной Руси агрессивным иноверцам. Это подчеркивает и Д. С. Лихачев, об этом пишет и Борис Зайцев.

До сих пор Сергей был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым. Теперь стоял перед трудным делом — благословения на кровь. Благословил бы на войну, даже национальную, Христос? И кто отправился бы за таким благословением к Франциску? Сергей не особенно ценил печальные дела земли. Самый отказ от митрополии, тягости с непослушными в монастыре — все ясно говорит, как он любил, ценил «чистое деланье», «плотничество духа», аромат стружек духовных в лесах Радонежа! Но не его стихия — крайность. Если на трагической земле идет трагическое дело, он благословит ту сторону, которую считает правой. Он не за войну, но раз она случилась, за народ и за Россию, православных. Как наставник и утешитель, «Параклет» России, он не может оставаться безучастным²³.

Интересное замечание по этому поводу встречается у И. А. Ильина. «Монах выступает как бы ангелом хранителем воина, и самая молитва его уподобляется огненному мечу, — пишет русский философ. — Таков св. Сергей, благословляющий Дмитрия Донского и дающий, ему в спутники двух меченосных послушников»²⁴. Быть может, не случайно И. А. Ильин пишет о молитве преп. Сергия как об «огненном мече». Вспомним, что имя другого русского святого — преп. Серафима — в переводе означает «пламенный» (древнеевр.), а титул «серафический отец» («патер серафикус») усвоен Римско-католической церковью св. Франциску. «Само монашество считает и называет себя чином ангельским, — пишет Владимир Соловьев. — Истинный монах носит образ и подобие ангела, он есть «ангел во плоти»; за величайшим монахом западного христианства, св. Франциском Ассизским, остается прозвище *pater seraphicus*»²⁵. Эпитет «серафический» со временем был перенесен и на весь орден францисканцев, который стал именоваться «серафическим орденом».

В статье Д. С. Лихачева отмечается, что преп. Сергей Радонежский не стремился к восхождению по ступеням церковной иерархии. «Сила Сергия Радонежского, его слова особенно ярко выступают на фоне того факта, что он решительно отказывается принять сан главы Русской Православной Церкви, — пишет Д. С. Лихачев. — Сергей заявлял: „От юности я не был златоносцем; а в старости тем более желаю пребывать в нищете“ и отказался принять от митрополита Сергия золотой «парамандный» крест митрополичий, усыпанный драгоценными камнями»²⁶.

В параллель сказанному можно привести строки из монографии В. И. Герье «Франциск Ассизский, апостол нищеты и любви» (М., 1908). В своей книге Владимир Иванович противопоставляет образы папы и св. Франциска: «с одной стороны, в царском облике владыка мира, наместник Христа, раздававший царские короны, — перед ним нищий ученик Христа, босоногий, в простонародной одежде, опоясанный, веревкой;

²² Там же. С. 10.

²³ Зайцев Борис. Преподобный Сергей Радонежский. Рассказы. Повесть. М., 1991. С. 110.

²⁴ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1993. С. 478.

²⁵ Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Философия искусства и литературная критика. М. 1991. С. 203.

²⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 9–10.

с одной стороны, блюститель абсолютного авторитета, а перед ним проповедник безусловного смирения! Представитель беспредельной власти над человеком и перед ним проповедник беспредельной любви к человеку!»²⁷

Удивительно сходны и многие черты личности, образа жизни и поведения обоих подвижников. Так, и Франциск, и Сергей были друзьями всего живого, в особенности животного мира. «Преп. Сергей не проповедовал, как Франциск, птицам и не обращал волка из Губбио, но, по Никоновской летописи, был у него друг лесной, — пишет Борис Зайцев. — Сергей увидел раз у келии огромного медведя, слабого от голода. И пожалел. Принес из келии краюшку хлеба, подал — с детских ведь лет был, как родители, „странноприимен“. Мохнатый странник мирно съел. Потом стал навещать его. Сергей подавал всегда. И медведь сделался ручным»²⁸.

А Франциск Ассизский служил обедню для птиц²⁹. Упоминание о «мессе для птиц» может вызвать улыбку, но в восприятии средневекового христианина здесь был скрыт глубинный смысл, и в житии преп. Сергия Радонежского можно найти этому некую параллель. Д. С. Лихачев приводит отрывок из жития преп. Сергия, где говорится о видении, которого сподобился этот подвижник. «Услышал он голос, говорящий: „Сергий! Ты молишься за своих детей, и Господь моление твое принял. Смотри же внимательно и увидишь множество иноков, во имя Святой и Живоначальной Троицы собравшихся в твое стадо, которое ты наставляешь“. Святой взглянул и увидел множество птиц очень красивых, прилетевших не только в монастырь, но и в окрестности монастыря»³⁰. Комментируя этот отрывок, Д. С. Лихачев пишет: «Согласно древнерусским воззрениям, символ — такая же реальность, как и то, что он символизирует. Птицы были такими же иноками Сергия, как и иноки, чье появление в монастыре они предвещали»³¹.

Об отношении св. Франциска к животному миру пишет и Лев Шестов в своей книге «Афины и Иерусалим». Отечественный философ приводит слова из книги пророка Исаии: «Волк и ягненок будут пастись вместе и лев станет есть солому» (Ис. 65, 25), после чего высказывает такую мысль: «Даже Франциску Ассизскому удалось одними только словами кротости и убеждения — *fratrelupo* (брат волк) — изменить природу свирепого волка, и, конечно, только потому, что ни пророк Исаия, ни Франциск Ассизский не хотели быть „знающими“ и не стремились превращать истину откровения в метафизические — самоочевидные и незыблемые истины»³².

В христианской иконографии у обоих святых есть целый ряд сходных атрибутов. Так, св. Франциск нередко изображается с волком из Губбио, а преп. Серафим — с медведем. Поэт русского зарубежья И. И. Новгород-Северский (Ян Пляшкевич) посвятил одно из стихотворений «медвежьей теме», но и здесь невидимо присутствует образ св. Франциска. По словам профессора Валентина Сперанского, «самые трогательные Fioretti святого мудреца Франциска Ассизского, умевшего одарять своей христианской пламенной любовью и самых прозаических бессловесных тварей, вспоминаются нам тогда, когда мы слышим стихи Ив. Новгород-Северского, посвященные медведице, залегшей в берлогу „зимовать и снить медвежьи сны“, как-нибудь догрезить до весны, а весной лелеять медвежаток, по траве муравчатой бродить, с вольных пчелок — ласковый задаток — дикий мед по дуплам находить»³³.

²⁷ Герье В. И. Франциск Ассизский, апостол нищеты и любви. М., 1908. С. 30.

²⁸ Зайцев Борис. Преподобный Сергей Радонежский. Рассказы. Повесть. М., 1991. С. 84.

²⁹ Лихачев Д. С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Литературная газета, 1992, № 49. С. 6.

³⁰ Лихачев Д. С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Наука и религия, 1992, № 1. С. 9.

³¹ Там же.

³² Шестов Лев. Афины и Иерусалим. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 584—585.

³³ Новгород-Северский И. И. Северное послание. Париж, 1968. С. 9 (предисл.).

«Певец ледяной пустыни» — так назвал И. И. Новгород-Северского И. С. Шмелев. Однако, по словам самого поэта, он отнюдь не противопоставлял Север Югу:

Были этруски... А я вот родился, как русский,
Славлю и римлян, и тех, кто по тундре живет.

Вот еще несколько строк, принадлежащих перу того же поэта:

Как Аввакум исповедую старую веру,
Но мне понятны и Лютера смелый протест,
Святость Франциска Ассизского, скромность не в меру...
Вольности нашей гремящей в веках манифест!³⁴

Сопоставляя фигуры св. Франциска и преп. Сергия Радонежского, Д. С. Лихачев ставил цель выявить не только сходство в их житиях, но и различия. Некоторые из них были обусловлены особенностями характеров подвижников, складывавшихся в непохожих условиях: один жил в солнечной Италии, другой — в «холодной Московии». «Во Франциске мы все время ощущаем силу христианской любви, его улыбающуюся открытость миру — людям и природе. Сергей гораздо „серьезнее“. Он делает свое дело без улыбки, — пишет Д. С. Лихачев. — Во всяком случае автор жития Сергия Радонежского только в немногих случаях отмечает его приветливость, особенно в случае с крестьянином, отказывавшимся признать в нем прославленного игумена. Сергей поблагодарил его за это, обнял и поцеловал»³⁵.

Эти слова перекликаются с замечанием Бориса Зайцева, отметившего «нордические» черты характера преп. Сергия.

Насколько можно чувствовать Сергия, чрез тьму годов и краткие сообщения, в нем вообще не было улыбки. Св. Франциск душевно улыбается — и солнцу, и цветам, и птицам, волку из Губбио. Есть улыбка — теплая и жизненная — у св. Серафима Саровского. Св. Сергей ясен, милостив, «страннолюбив», тоже благословил природу, в образе медведя, близко подошедшего к нему. Он заступился перед братией и за простого человека. В нем нет грусти. Но как будто бы всегда он в сдержанной, кристально-разреженной и прохладной атмосфере. В нем есть некоторый север духа³⁶.

Следует отметить еще одно отличие во францисканской и «сергианской» традициях, а именно — в практическом осуществлении молитвенного прошения «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф. 6, 11). «По известному завету апостола Павла, преп. Сергей требовал от иноков труда и запрещал им выходить за подаянием. В этом резкое отличие от св. Франциска, — пишет Борис Зайцев. — Блаженный из Ассизи не чувствовал под собой земли. Всю недлинную свою жизнь он летел, в светлом экстазе, над землей но летел „в люди“, с проповедью апостольской и Христовой, ближе всех подходя к образу самого Христа. Поэтому и не мог, в сущности, ничего на земле учредить (учредили за него другие). И труд, то трудолюбие, которое есть корень приращения, для него несущественны.

Напротив, Сергей не был проповедником, ни он и ни ученики его не странствовали по великорусской Умбрии с пламенной речью и с кружкой для подаяний. Пятьдесят лет он спокойно провел в глубине лесов, *уча самим собою*, „тихим деланием“, но не прямым миссионерством. И в этом „делании“ наряду с дисциплиною душевной огромную роль играл тот черный труд, без которого погиб бы он и сам, и монастырь его.

³⁴ Указ. соч. Стихотворение «Все так чудесно». С. 169.

³⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. // Наука и религия, 1992, № 1. С. 10.

³⁶ Зайцев Борис. Преподобный Сергий Радонежский. Рассказы. Повесть. М., 1991. С. 96.

Св. Сергей, православный глубочайшим образом, насаждал в некотором смысле западную культуру (труд, порядок, дисциплину) в радонежских лесах, а св. Франциск, родившись в стране преизбыточной культуры, как бы на нее восстал»³⁷.

Развивая эту тему, Д. С. Лихачев дает объяснения этим различиям в деятельности святых Западной и Восточной церквей; они были порождены благодатным климатом Италии и особенностями уклада жизни сурового Севера. Отметив, что Франциск и Сергей были проповедниками нищеты и нестяжательства, Лихачев указывает и на существенное различие: «Франциск одобрял не только нищету, но и нищенство, собирание милостыни. Сергей же нищенства не поощрял и даже запрещал. Он велел трудиться и сам трудился неустанно. Он и сапоги тачал, и избы ставил, и портняжничал, и огородничал. Работал в крестьянских хозяйствах, не брал даже скромной платы, пока не окончит свой труд. Все это было очень важно, ибо на многие годы определило характерные черты русского монашества: не были монахи тунеядцами и захребетниками, какими их иногда изображают, и жили своим трудом; монастырская братия была, помимо всего прочего, трудовым сообществом, где подвиг труда приравнивался к церковному, именно таковы были сыновние по отношению к Троице-Сергиевой Лавре Кирилло-Белозерский монастырь, монастыри на Валааме, на Соловках, в Печенге. Места все больше суровые, северные. Монахи — последователи Сергея — шли на Север и осваивали его неустанным трудом — физическим и духовным»³⁸.

Соловки... Упоминание об этих островах в трудах Д. С. Лихачева имеет особое значение. В книге своих «Воспоминаний» Лихачев рассказывает, что с 1923 года начал заниматься древнерусской литературой, потому что «хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети». Дмитрий Сергеевич входил в небольшое неофициальное братство преп. Серафима Саровского, которое было организовано в Ленинграде 1 августа 1927 года, когда «у нас, — как говорит Лихачев в очерке, посвященном истории этого братства, — возникла идея посещать церковь совместно». Просуществовало оно, однако, всего несколько месяцев — до ареста его членов.

И вскоре Дмитрий Сергеевич попал в СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. «Веками служили здесь монахи панихиды, не догадываясь, сколько появится тут могил в двадцатом столетии, сколько мучеников, — пишет священник Георгий Чистяков. — Если бы Гитлер устроил Аушвиц (Освенцим) у Франциска в Ассизи или Бухенвальд в Бингене у святой Хильдегарды, только это могло бы сравниться с тем, что сделали на Соловках коммунисты»³⁹. «Гибельные эти острова предвосхитили гитлеровские Vernichtungslager — лагеря уничтожения», — писал о Соловках Олег Волков, автор книги «Погружение во тьму», прошедший через Соловки.

Но несмотря на пережитое, у Д. С. Лихачева сложилось «францисканское» восприятие жизни. В «Воспоминаниях» есть один текст, очень хорошо характеризующий мироощущение Дмитрия Сергеевича, которое он пронес через всю жизнь. Он рассказывает, как на Соловках ему удалось однажды летом задремать в кустах в прибрежной полосе, где вообще появляться запрещалось строжайшим образом. «Когда я открыл глаза, — пишет Лихачев, — я увидел против себя на расстоянии чуть большем протянутой руки очаровательную зайчиху и несколько маленьких зайчат. Они смотрели на меня не отрываясь, как на чудо. Монахи приучили животных не бояться человека».

Завершая свой рассказ об этой встрече, который удивительно напоминает «Цветочки» Франциска Ассизского, старый академик говорит, что он вместе с заячьей семь-

³⁷ Там же. С. 88.

³⁸ Лихачев Д. С. Указ. соч. // Литературная газета, 1992, № 49. С. 6.

³⁹ Чистяков Георгий, свящ. Острова особого назначения // Русская мысль, № 4286, 30 сентября — 6 октября 1999. С. 11.

ей «смотрели друг на друга, вероятно, с одинаковым чувством сердечной приязни». Он признается, что для него дорого «чувство любви ко всему живому», и видит в этом чувстве знак присутствия Божьего в мире или «ощущение творящего Бога»⁴⁰.

Подвижники Запада и Востока стремились сочетать заботу о хлебе насущном и молитвенный подвиг. Об этом пишет в одной из своих книг Е. А. Извольская — дочь известного русского дипломата, министра иностранных дел и посла в Париже А. П. Извольского. Повествуя о Франческе Кабрини (1850—1917), причисленной к лику святых Римско-католической церкви (1944), Елена Александровна сообщает о ее первых шагах на ниве христианского служения в Италии. «Когда в созданных ею обителях не хватало средств или не было хлеба на завтрашний день, все необходимое для существования сестер и воспитанниц чудом появлялось в пустовавших еще накануне кладовых, — отмечает Е. А. Извольская. — Да и вообще, в жизни этих центров было столько же чудесного, как в монастырях святого Феодосия или святого Сергия Радонежского в России, или среди братии святого Франциска в Ассизи»⁴¹.

Оба святых — преп. Сергей и св. Франциск — шли к единой цели — стяжанию Духа Святого, и Борис Зайцев возвращается к тому, что сближает их, — на сей раз в сфере духовного просвещения.

Сергиева обитель продолжала быть беднейшей. Часто не хватало и необходимо: вина для совершения литургии, воска для свечей, масла лампадного, для переписывания книг не только что пергамента, но и простой харатьи. Литургию иногда откладывали. Вместо свечей — лучины. Образ северный, быт древний, но почти до нас дошедший: русская изба с лучиной с детства нам знакома и в тяжелые недавние годы вновь ожила. Но в Сергиевой пустыни при треске, копоты лучин читали, пели книги высшей святости, в окружении той святой бедности, что не отринул бы и сам Франциск. Книги переписывали на берестах — этого, конечно, уж не знал никто в Италии блаженно-светлой. В лавре сохранились до сих пор бедные деревянные чаша и дискос, служившие при литургии, и фелонь Преподобного из грубой крашенины с синими крестами⁴².

Ученики обоих подвижников обращали большое внимание на миссионерскую деятельность. «Минорит Раймон Лулль добивается открытия факультетов восточных языков в некоторых европейских университетах, — пишет Д. С. Лихачев. — В России же ученик Сергия — Стефан Пермский создает в XIV в. письменность и просвещает народ финно-угорского происхождения — коми-зырян»⁴³.

В трудах отечественных историков можно встретить сопоставление св. Франциска и с другими русскими подвижниками. К их числу относится преп. Нил Сорский (ок. 1433—1508), как и св. Франциск, сторонник нестяжания. Всякое имущество, собственность, Нил Сорский считал недостойным иночества. Подобно св. Франциску, Нил Сорский совершил паломничество в Палестину; есть много других моментов, сближающих этих угодников Божиих. Вот что пишет о них российский историк французского происхождения Ф. Г. де ла Барт (1870—1915): «Подобно великому святителю Русской Церкви, преп. Нилу Сорскому, св. Франциск в вопросах религии „допускал рассуждение“ и был, если можно так выразиться, „либеральным христианином“, т. е. христианином в настоящем смысле слова, не отрицавшем субботы, но находившим, что „не человек создан для субботы, а суббота для человека“»⁴⁴.

⁴⁰ Чистяков Георгий, свящ. Не заглушая в себе совести. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева // Русская мысль, № 4337, 19—25 октября 2000. С. 19.

⁴¹ Извольская Е. А. Американские святые и подвижники. Нью-Йорк, 1959. С. 181.

⁴² Зайцев Борис. Преподобный Сергей Радонежский. Рассказы. Повесть. М., 1991. С. 89.

⁴³ Лихачев Д. С. Указ. соч. // Наука и религия, 1992, № 1. С. 9.

⁴⁴ «Л» (Ф. Г. де ла Барт). Франциск Ассизский // Журнал «Труд», 1889. Т. 3. С. 490.

Было бы неверным полагать, что преп. Сергей возводил принцип нестяжания в абсолют, так же как и св. Франциск — «Владычицу Бедность». «Не совсем ясно, были ли, при жизни Сергия, у обители его жалованные села. Скорее — нет, — пишет Борис Зайцев. — Считается, что запрета *принимать* даренья он не делал. Запрещал *просить*. На крайней же, францисканской точке (ее не выдержали сами францисканцы), видимо, и не стоял. Непримируемые решения вообще не в его духе. Быть может, он смотрел, что „Бог дает“ — значит, надо брать, как принял он и повозки с хлебом, рыбою от неизвестного жертвователя. Во всяком случае, известно, что незадолго до смерти Преподобного один галицкий боярин подарил монастырю половину варницы и половину соляного колодезя у Соли Галицкой (нынешний Солигалич)»⁴⁵.

Приведем еще несколько параллелей, отмеченных Д. С. Лихачевым. «Как и святой Франциск, святой Сергей выше всего из христианских подвигов ставил нищету, духовное преодоление всех телесных страданий и деятельную любовь ко всему живому — к людям и животным»⁴⁶, — пишет Д. С. Лихачев на страницах итальянского журнала. — Обоих характеризует стремление к уединению и к уединенной молитве; нищета, частичный отход от официальной Церкви, общение с природой и т. д.»⁴⁷.

Св. Франциск остается для русской культуры самым почитаемым подвижником Запада и самым близким для православного сознания. Еще одну параллель в житии обоих христианских подвижников прослеживает современная исследовательница Марина Самарина: «Сходство этих двух великих христианских мистиков представляется поистине удивительным. Хронологически эти две фигуры появились с разницей более чем в столетие — Сергей был современником Екатерины Сиенской. Точки соприкосновения их выразились во многом — это объединяющая обоих святых любовь к нищете, ради которой они отказались от благ материального мира, и стремление к уединению и тишине, и любовь ко всем творениям природы, животным и птицам. Это и многие сходные моменты их биографий — строительство маленькой церкви своими руками (Порциункула, построенная Франциском, церковь св. Троицы, построенная Сергием)»⁴⁸.

Подобно тому, как многие русские православные мыслители считали, что «Франциск нам не чужой», так и среди католиков возрастал интерес к преп. Сергию Радонежскому. Одним из них был Сергей Михайлович Соловьев (1885—1941), племянник знаменитого философа Владимира Соловьева. Ему довелось побывать в Италии до Первой мировой войны; итогом поездки стала книга «Италия. Поэма» (М., 1914). Седьмая глава этой книги посвящена Ассизи, и поэт, любуясь родным городом св. Франциска, вспоминает Радонеж — родину преп. Сергия.

Бледнела твердь в лучистом серебре,
И ночь, холмы безмолвием овев,
Меня застигла на святой горе.

Как древний сын плененных иудеев,
Я вспомнил мой, любимый Богом край,
Мой Радонеж, Звенигород, Дивеев —

⁴⁵ Зайцев Борис. Преподобный Сергей Радонежский. Рассказы. Повесть. М., 1991. С. 94.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Сергей Радонежский и св. Франциск Ассизский // *Filologia e letteratura nei pacislavi. Studi in onore di sante Graciotti*. Roma, 1990, p. 738.

⁴⁷ Там же. С. 737.

⁴⁸ Самарина Марина. Франциск Ассизский и Петербург // *Firenze e San Pietroburgo. Due culture si confrontano e dialogano tra loro*. Firenze, 2003, p. 45.

Родных скитов в лесах цветущий рай.
Моя родная, дальняя Россия,
Здесь за тебя мне помолиться дай.

Бесчисленные главы золотые
Уже меня зовут издалика,
Чтоб встретить Пасхи празднества святые.

В златистые одета облака,
Вся Умбрия, как ангел в светлой ризе,
И так же, как в далекие века,
Вечерний звон несется из Ассизи⁴⁹.

После 1917 года С. М. Соловьев перешел в католичество, а в начале 1920-х годов принял сан священника. После революции о. Сергей продолжал преподавательскую деятельность и, в частности, читал курс латинского языка в Высшем Литературно-художественном институте, основанном В. Я. Брюсовым. По свидетельству бывшего студента этого института, «Сергей Михайлович Соловьев служил литургию на даче поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле по случаю 700-й годовщины со дня кончины св. Франциска Ассизского (1226—1926), благодаря чему ученики и узнали, что он — католический священник»⁵⁰.

В 1920-е годы о. Сергей продолжал размышлять о путях, ведущих к христианскому единству. Ему представлялось, что почитание Римско-католической церковью древнерусских святых могло бы содействовать возникновению молитвенного общения католиков и православных и таким образом их сближению.

В 1927 году митрополит Сергей (Страгородский) под давлением большевистского режима был вынужден издать печально знаменитую Декларацию о лояльности советской власти — Послание от 16/29 июля 1927 года. Часть епископата и духовенства Русской православной церкви выразила свое несогласие с этим документом, в котором, в частности, говорилось: «Радости и успехи Советского Союза, нашей гражданской родины, — наши радости и успехи». Они отказались молиться за богоборческую власть и прекратили общение с местоблюстителем патриаршего престола. О. Сергей Соловьев призывал этих священников сблизиться с Римом и молиться о христианском единстве русским святым — преп. Сергию Радонежскому и св. Серафиму Саровскому⁵¹.

Вот что вспоминала сестра Мария — монахиня основанной в Москве доминиканской общины: «Когда (власти) запретили в (католическом) храме богослужения на славянском языке, о. Сергей продолжал совершать литургию на квартире у своих друзей. Также в доме своих друзей он читал лекции, свои стихи, вел беседы. Запомнились его работы о Сергии Радонежском, Серафиме Саровском, о соединении Церквей, и на другие богословские темы»⁵².

В 1928 году о. Сергей был отстранен от преподавательской работы, а с 1929 года не имел возможности трудиться и на приходе. «Он посвятил свой вынужденный досуг написанию жития св. Сергия Радонежского, — отмечает иеромонах Антоний Венгер. — Он послал свою рукопись в Рим, где монсиньор д'Эрбиньи передал ее цензору,

⁴⁹ Соловьев Сергей. Италия. Поэма. М., 1914. С. 36.

⁵⁰ Антоний (Венгер), иеромонах. Материалы к биографии Сергея Михайловича Соловьева // Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 3 (предисл.).

⁵¹ Антоний (Венгер), иером. Там же. С. 5.

⁵² Из воспоминаний сестры Марии, монахини доминиканской общины, основанной в Москве матерью Екатериной Абрикосовой // Там же. С. 15.

в суждении которого, совершенно негативном, проявилось его полное незнание русской церковной истории: „Нельзя говорить о Сергии Радонежском как о святом, потому что в Русской Церкви не было святых после разделения Церквей“»⁵³.

В это время о. Сергий жил в подмосковном селе Крюкове. Он продолжал поддерживать общение с экзархом католиков восточного обряда Леонидом Федоровым, посланным на Соловки. В свое время Леонид Федоров тоже ставил вопрос о преп. Сергии Радонежском перед своим иерархическим начальником — униатским митрополитом Андреем Шептицким: может ли католик восточного обряда молиться русским святым: преподобному Сергию Радонежскому, святому Александру Невскому, преподобному Серафиму? Ранее митрополит Андрей Шептицкий сознательно закрывал глаза на то, что его паства молилась русским иконам и святым. Но получив **официальный** запрос, он должен был дать **официальный** ответ: «Нельзя молиться тем русским угодникам, которые жили после разделения Церквей и не канонизированы Римом»⁵⁴. Дальнейшая судьба о. Сергия Соловьева была печальной. В 1931 году он был арестован, а в 1941 году умер в спецпсихбольнице в Казани⁵⁵.

Что же касается вопроса о святости преп. Сергия Радонежского и других русских подвижников, живших до Флорентийского собора (1439), то он получил благоприятное разрешение в период понтификата папы Пия XII (1939—1958)⁵⁶. Вот почему католические богословы, не погрешая против традиций своей Церкви, могут ставить рядом имена западных и восточных святых. Так, в предисловии к русскому изданию книги «Истоки францисканства» (М., 1996) о. Эрнесто Кароли пишет: «Личности св. Франциска, св. Сергия Радонежского, св. Серафима, св. Клары уходят корнями в свой народ, в свою эпоху, появляются в ответ на конкретные потребности Церкви, вечно святой и вечно терзаемой, но это не мешает им быть — именно из-за их глубочайшего единства с Христом — вечными образцами в любое время и для любого народа, напоминанием о славе Божией, преобразующей мир»⁵⁷.

Эти слова перекликаются с мыслью, высказанной еще в конце 1970-х годов на страницах «Вестника РХД» одним из православных московских публицистов. «Святые не разделены в Доме Отца. Там много обителей. В них — в святых всех народов — время устремлено в Царство Света и Благодати. В них — преодоление розни падшего, невоцерковленного человечества. Святые открывают в человеке и в народе его „ядро ядра“, подлинное призвание и глубину, — пишет Л. А. Дмитриев. — Вот почему я молюсь святым Сергию Радонежскому и св. Франциску Ассизскому»⁵⁸.

Подвести итог сказанному можно словами известного русского философа и богослова Н. О. Лосского (1870—1965). Отметив, что грешникам трудно обрести спасение и жизнь вечную, он пишет: «Возможно, что бывают и счастливые исключения, как св. Франциск Ассизский или Сергий Радонежский, Серафим Саровский, которые сразу после смерти удостоиваются стать членами Царства Божия»⁵⁹.

⁵³ Антоний (Венгер), иером. Там же. С. 7.

⁵⁴ См.: Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 396. Статья «Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства».

⁵⁵ Из воспоминаний сестры Марии..., Там же. С. 15.

⁵⁶ Антоний (Венгер), иером. Там же. С. 7 (см. также: Иерейский молитвослов. Рим, 1950).

⁵⁷ Кароли Эрнесто, свящ. Истоки францисканства. М., 1996. С. 3 (предисл.).

⁵⁸ Дмитриев Л. А. Вечное во временном // Вестник РХД, № 129, III—1979. Париж—Нью-Йорк—Москва. С. 54.

⁵⁹ Сборник «Минувшее. Исторический альманах». Вып. 6, М., 1992. С. 320.